

Александр Сухово-Кобылин

**Свадьба Кречинского.
Пьесы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-2
ББК 84-6
А46

A46 **Александр Сухово-Кобылин**
Свадьба Кречинского. Пьесы / Александр Сухово-Кобылин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 182 с.

ISBN 978-5-4241-3102-8

Александра Васильевича Сухово-Кобылина (1817—1903) заслуженно считают одним из самых талантливых драматургов-сатириков, хотя его перу и принадлежат всего три пьесы — трилогия «Свадьба Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина». Александр Васильевич с юных лет пристрастился к литературе и философии, однако обратиться к литературной деятельности его заставили трагические обстоятельства. Писатель был обвинен в смерти своей возлюбленной, Луизы Симон-Деманш, и находился под следствием семь лет. Скорбь от потери, негодование на несправедливое обвинение, переживания, связанные с чиновничьим произволом и судебным процессом, нашли отражение в его знаменитой трилогии.

ISBN 978-5-4241-3102-8

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Александр Васильевич Сухово-
Кобылин
Свадьба Кречинского. Пьесы

Свадьба Кречинского

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Константиныч Муромский – зажиточный ярославский помещик, деревенский житель, человек лет под шестьдесят.

Лидочка – его дочь.

Анна Антоновна Атуева – ее тетка, пожилая женщина.

Владимир Дмитрич Нелькин – помещик, близкий сосед Муромских, молодой человек, служивший в военной службе. Носит усы.

Михаил Васильич Кречинский – видный мужчина, правильная и недюжинная физиономия, густые бакенбарды; усов не носит; лет под сорок.

Иван Антоныч Расплюев – маленький, но плотненький человечек; лет под пятьдесят.

Никанор Савич Бек – ростовщик.

Щебнев – купец.

Федор – камердинер Кречинского.

Тишк – швейцар в доме Муромских.

Полицейский чиновник.

Слуги.

Действие происходит в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро. Гостиная в доме Муромских. Прямо против зрителя большая дверь на парадную лестницу; направо дверь в покой Муромского, налево – в покой Атуевой и Лидочки. На столе, у дивана, накрыт чай.

ЯВЛЕНИЕ I

Атуева (*выходит из левой двери, осматривает комнату и отворяет дверь на парадную лестницу*). Тишк! эй, Тишк!

Тишк (*за кулисами*). Сейчас-с. (*Входит в ливрее, с широкой желтой перевязью, нечесаный и несколько выпивши*).¹

Атуева (*долго на него смотрит*). Какая рожа!..

Молчание.

Отчего головы не чесал?

Тишк. Никак-с нет, Анна Антоновна, я чесал.

Атуева. И рожи не мыл?..

Тишк. Никак нет, мыл; как есть мыл. Как изволили приказать, чтоб мыть, так всегда и мою.

Атуева. Колокольчик немец принес?

Тишк. Принес, сударыня; он его принес.

Атуева. Подай сюда да принеси лестницу.

Тишк несет колокольчик и лестницу.

Ну, теперь слушай. Да ведь ты глуп: ты ничего не поймешь.

Тишк. Помилуйте, сударыня, отчего же не понять? Я милости вашей все понимаю.

Атуева. Коли приедет дама, ты звони два раза.
Тишка. Слушаю-с.
Атуева. Коли господин, ударь один раз.
Тишка. Слушаю-с.
Атуева. Коли так, какая-нибудь дама или женщина – не звонить.
Тишка. Можно-с.
Атуева. Коли магазинщик или купец какой, тоже не звонить.
Тишка. И это, Анна Антоновна, можно.
Атуева. Понял?
Тишка. Я понял, сударыня, я оченno понял... А докладывать ходить уж не прикажете?
Атуева. Как не докладывать? непременно докладывать.
Тишка. Так перво прикажете звон сделать, а потом уж доложить?
Атуева. Этакий дурак! Вот дурак-то! Ну как же можно, глупая рожа, чтобы сперва звонить, а потом доложить!
Тишка. Слушаю-с.
Атуева. Ну, лезь прибивай.
Тишка с молотком и колокольчиком лезет по лестнице.
Стой... так!
Тишка (*наставив гвоздь с колокольчиком*). Так-с?
Атуева. Повыше.
Тишка (*подымаясь еще*). Так-с?
Атуева. Повыше, тебе говорю.
Тишка (*вздергивает руку кверху*). Так-с?
Атуева (*торопливо*). Стой, стой... куда?.. ниже!
Тишка (*опускает руку вниз*). Так-с?
Атуева (*начинает сердиться*). Теперь выше! Ниже!! Выше!!! Ниже!! Ах ты, боже мой! А, да что ты, дурак, русского языка не понимаешь?..
Тишка. Помилуйте, как не понимать!.. Я понимаю-с, я оченno, сударыня, понимаю.
Атуева (*нетерпеливо*). Чо ты там болтаешь?..
Тишка (*снимает колокольчик вовсе с места и поворачивается к Атуевой*). Я, сударыня, на тот счет, как вы изволите говорить, что я не понимаю, то я, сударыня, очень, очень понимаю.
Атуева. Чо ж, ты прибьешь или нет?
Тишка. Как, матушка, приказать изволите.
Атуева (*теряет терпение*). Аах-ах ты, боже мой!.. Да тут никакого терпенья не хватит! ты пьян!!!
Тишка. Помилосердуйте. Я только, сударыня, о том докладываю, что вы изволите говорить, что я не понимаю, а я оченno, сударыня, милости вашей понимаю.
Атуева (*складывая крестом руки*). А! ты, разбойник, со мною шутку шутишь, что ли?.. Чо ж, ты нарочно туда влез разговоры вести? Прибивай!..
Тишка. Где милости вашей...
Атуева (*выходит совершенно из себя и топает ногою*). Прибивай, разбойник, куда хочешь прибивай... ну постой, постой, пьяная бутылка, дай мне срок: это

тебе даром не пройдет.

Тишка (*немедленно наставляет гвоздь в первое попавшееся место и колотит его со всей мочи*). Я понимаю... я очень... Матушка... барын... ту, ту, ту... ууух!!! (*Свертывается с лестницы; она падает*.)

Шум. Вбегают слуги.

Атуева (*кричит*). Боже мой!.. Батюшки!.. Он себе шею сломит.

Тишка (*очутившийся на ногах, улыбается*). Никак нет-с, помилуйте.

Слуги подставляют лестницу
и устраивают колокольчик.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Муромский, в халате, с трубкою, показывается из двери направо.

Муромский. Что это? что вы делаете?

Атуева. Ничего не делаем. Вот Тишка опять пьян.

Муромский. Пьян?

Атуева. Да! Воля ваша, Петр Константиныч: ведь он с кругу спился.

Тишка. Помилуйте, батюшка Петр Константиныч! Изволят говорить: пьян. Чем я пьян? Когда б я был пьян, где б мне с этакой махиннице свалиться да вот на ноги стать?.. Стал, сударь, гвоздь вгонять, обмахнулся, меня эдаким манером и вернуло.

Муромский (*смотрит на него и качает головою*). Вернуло, тебя вернуло?..
Пошел, болван, в свое место.

Тишка выходит с крайнею осторожностию;
слуги выносят лестницу.

ЯВЛЕНИЕ III

Муромский и Атуева.

Муромский (*смотря вслед уходящему Тишке*). Разумеется, пьян... Да что тут за возня у вас?

Атуева. Колокольчик навешивали.

Муромский (*с беспокойством*). Еще колокольчик? Где? что такое?.. (*Увидев навешенный колокольчик*.) Что это? здесь? в гостиной!..

Атуева. Да.

Муромский. Да что ж, здесь в набат бить?..

Атуева. Нынче везде так.

Муромский. Да помилуйте, ведь это глупость! ведь это черт знает что такое!.. А, да что и говорить!.. (*Ходит*.) Тут человеческого смысла нет... Ведь это всякий раз себе язык прикусишь!..

Атуева. И, полноте, батюшка, пустяки выдумывать! Отчего же тут язык прикусить?.. Пожалуйста, уж оставьте меня: я лучше вас знаю, как дом поставить.

Молчание. Муромский ходит по комнате.

Атуева пьет чай.

Петр Константиныч! Надо будет вечеринку дать.

Муромский (*остановясь против Атуевой*). Вечеринку? какую вечеринку? О какой вы вечеринке говорите?

Атуева. Обыкновенно о какой. Будто не знаете! ну балик, что ли... вот как намедни было.

Муромский. Да ведь вы мне говорили, что вот последняя будет, уж больше не будет.

Атуева. Нельзя, Петр Константиныч, совсем нельзя: приличия, свет того требуют.

Муромский. Хорош ваш сахар – свет требует!.. Да, как же, провались он в преисподнюю... требует!.. у кого? у меня, что ли, требует?.. Полно вам, сударыня, егозить! Что вы это как умом рехнулись?

Атуева. Я умом рехнулась?..

Муромский. Да! Вытащили меня в Москву, пошли затеи, балы да балы, дежненная тратя всякая, знакомство... суетня, стукотня!.. Дом мой поставили вверх дном; моего казачка Петрушку – мальчик хороший был – сорокой одели. Вот этого дурака Тишку, башмачника, произвели в швейцары, надели на него епанчу какую-то; вот (*указывает на колокольчик*) колоколов навесили, звон такой идет по всему дому!..

Атуева. Разумеется, звон. Я вам говорю, сударь: у всех людей так...

Муромский. Матушка! ведь у людей дури много – всего не переймете!.. Ну что вы тут наставили! (*показывает на вазу с карточками*) какую кружку? какое благо собираете?

Атуева. Это?.. Визитные карточки.

Муромский (*покачав головою*). Поголовный список тараторок, болтунов...

Атуева. Визитные-то карточки?

Муромский. Праздношатаек, подбродяг всесветных, людей, которые, как бухарцы какие, слоняются день-деньской из дому в дом и таскают сор всякий, да не на сапогах, а на языке.

Атуева. Это светские люди?

Муромский. Да!

Атуева. Ха, ха, ха! и смех и горе!..

Муромский. Нет! горе.

Атуева. Ну что вы, Петр Константиныч, судите да рядите: ведь вы свету не знаете?

Муромский. И знать его не хочу!

Атуева. Ведь вы век целый торчали у себя в Стрешневе.

Муромский. Торчал, сударыня, торчал. Не вам жаловаться; на мое торчанье балики-то даете.

Атуева. Это, сударь, ваш долг.

Муромский. Балы-то давать?

Атуева. Ваша обязанность.

Муромский. Балы-то давать?!!

Атуева. У вас doch невеста!

Муромский. Сзывать людей. (*Машет руками*.) Сюда! Сюда!.. И они же, благодетели, наедут, объедят, обопытят да нас же на смех подымут!..

Атуева. Так с мужиками толковать лучше?

Муромский. Лучше. Когда с мужиком толкуешь, так или мне польза, или ему, а иное дело – обоим. А от вашего звону кому польза?

Атуева. Нельзя же все для пользы жить.

Муромский. Нельзя?.. Надо!

Атуева. Мы не нищие.

Муромский. Так будем нищие... (*Махнув рукой*.) Да что с вами говорить!

Атуева. А вам бы вот забиться в захолустье да там и гнить в болоте с какими-нибудь чудаками!

Муромский. Э, матушка! такие же чудаки, как и мы.

Атуева. Ну уж я не знаю. Понатерпелась я от них муки на прошедшем нашем бале! Ваша Степанида Петровна такой чепец себе взбрякала... сама-то толстая, сидит на диване, что на самую ведь средину забилась. Как взгляну, так мне сердце-то и щемит, так и щемит!..

Муромский. Что ж? она прилично была одета; она женщина хорошая.

Атуева. Да что в том, сударь, что хорошая? Об этом не спрашивают... Прилично!.. Да о ней всякий спрашивал, кто, говорят, такая? Просто, я хоть бы сквозь землю провалилась.

Муромский. Что ж тут худого, что спрашивают, кто такая? Я тут худого не вижу. А вот что худо: девочка молоденькая – чему она учится? что слышит? Выйдет в двенадцатом часу из спальни – пойдет визитные карточки вертеть... Вот тебе и занятие! Потом: гонять по городу; там в театр, там на бал. Ну какая это жизнь? К чему вы ее готовите? чему учите? а? вертушкой быть? шуры-муры, коман в порте ву? ²

Атуева. Так как же, по-вашему, надо ее воспитывать? Чему учить?

Муромский. Делу, сударыня, порядку.

Атуева. Так возьмите немку.

Муромский. В своем доме занятию...

Атуева. Чухонку!

Муромский. Экономии...

Атуева. Экономку!.. шлюху!!

Муромский (*расставив руки*). Помилосердуйте, сударыня!..

Атуева. Что? правда-то глаза колят?.. то-то. А вы скажите-ка мне решительно, хотите дать вечеринку или нет?

Муромский. Не хочу!

Атуева. Так я на свои деньги дам: свое состояние имею!

Муромский. Давайте! Я вам не указчик!

Атуева. Из ваших капризов не сидеть же девочке в углу, без кавалеров. Вам вот только чтоб расходов не было. Без расходов, сударь, девочку замуж не отдашь.

Муромский. Вона!.. эка ведь им гиль в голову села: без расходов девочку замуж не отдашь! Сударыня! когда знают, что девочка скромная, дома хорошего, да еще приданое есть, так порядочный человек и так женится; а с расходами да с франдыбаченьем вашим так отдашь, что после наплачешься.

Атуева. Так, по-вашему, и упечь ее за какого-нибудь деревенского чучелу?

Муромский. Не за чучелу, сударыня, а за человека солидного...

Атуева (*перебивая его*). Да, чтоб солидный человек ее в деревне и уморил? Уж вы насилино отдайте, связите по рукам и по ногам...

Муромский. Переведите-ка, матушка, дух.

Атуева. Что-с?..

Муромский. Духу, духу возьмите!..

Атуева. Что же вы это, сударь...
ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Лидочка, очень разряженная,
подходит к отцу.
Лидочка. Здравствуйте, папенька!
Муромский (*повеселев*). Ну вот и она. Кралечка ты моя! (*Берет ее за голову и целует.*) Баловница!

Лидочка (*подходит к тетке*). Здравствуйте, тетенька!

Муромский. Ну, что же ты делала, с кем танцевала вчера?

Лидочка. Ах, папа, много!..

Атуева. Мазурку с Михаилом Васильевичем!

Муромский. С Кречинским?

Лидочка. Да, папа.

Муромский. Помилуй, матушка! ему бы пора и бросить.

Атуева. Отчего это?

Муромский. Ну, уж человек в летах: ему ведь под сорок будет.

Атуева. С чего вы это взяли? Лет тридцать с небольшим.

Лидочка. А как он ловко танцует!.. это чудо!.. особливо вальс.

Атуева. И молодец уж какой!

Муромский. Не знаю, что вам дался этот Кречинский. Конечно, мужчина видный, – ну приятный человек; зато, говорят, как в карты играет!

Атуева. И, мой отец, всего не переслушаешь. Это ваш все Нелькин жужжит. Ну он где слышит, где бывает? Ну кто нынче не играет? Нынче все играют.

Муромский. Игра игре рознь. А вот Нелькин карт в руки не берет.

Атуева. А вот вам Нелькин дался! Вы бы его в свете посмотрели, так, думаю, другое бы сказали. Ведь это просто срамота! Вот вчера выхлопотала ему приглашение у княгини – стащила на бал. Приехал. Что ж, вы думаете? Залез в угол, да и торчит там, выглядывает оттуда, как зверь какой: никого не знает. Вот что значит в деревне-то сидеть!

Муромский. Что делать! застенчив, свету мало видел. Это не порок.

Атуева. Не порок-то, не порок, а уж в высшем обществе ему не быть. Ведь непременно подцепит Лидочку вальсировать! Танцует плохо, того и гляди ляпнется он с нею со всего-то маху, – ведь осрамит!

Муромский (*вспыхнув*). Сами-то... широко очень плывете... Не ляпнуться бы вам со всего-то маху...

Атуева. Ну уж не ляпнусь.

Муромский (*уходя*). Посередь-то высшего общества не сесть бы в лужу.

Атуева. И в лужу не сяду!

Муромский (*уходя*). То-то, не сядьте.

Атуева. Не сяду... не сяду.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же без Муромского.

Лидочка. Что это, тетенька, вы все папеньку сердите!

Атуева. Не могу, право, не могу. Вот дался ему Нелькин!

Молчание.

Лида! а что ты это с Кречинским говорила за мазуркой? Вы что-то очень говорили?

Лидочка (*нерешительно*). Так, тетенька.

Атуева. По-французски?

Лидочка. По-французски.

Атуева. До смерти люблю. Вот сама-то я не очень, а ужасно люблю. Ну, а ты теперь порядочно?

Лидочка. Да, порядочно, тетенька!

Атуева. А какой у него – хороший выговор?

Лидочка. Да, очень хороший.

Атуева. У него это как-то ловко выходит, и он этак говорит часто, часто, так и сыплет! А как он это говорит: parbleu³, очень хорошо! Отчего это ты, Лидочка, никогда не говоришь parbleu?

Лидочка. Нет, тетенька, я иногда говорю.

Атуева. Это очень хорошо! Да что ты такая скучная?

Лидочка. Тетенька! я, право, не знаю, как вам сказать...

Атуева. Что, милая, что?

Лидочка. Тетенька! он вчера за меня сватался.

Атуева. Кто? Кречинский? Неужели? Что ж он тебе говорил?

Лидочка. Право, тетенька, мне как-то совестно... только он говорил мне, что он меня так любит!.. (*Останавливается*.)

Атуева. Ну ты что ж ему сказала?

Лидочка. Ах, тетенька, я ничего не могла сказать... я только спросила: точно ли вы меня любите?

Атуева. Ну а еще что?

Лидочка. Я больше ничего не могла сказать.

Атуева. То-то я видела, что ты все какую-то ленту вертела. Что ж? Неужто ты ему так-таки ничего больше и не сказала? Ведь я же тебе говорила, как надо сказать.

Лидочка. Да, тетенька, я ему сказала: parlez à ma tante et à papa⁴.

Атуева. Ну, вот так. Ты, Лидочка, хорошо поступила.

Молчание.

Лидочка. Ах, тетенька, мне плакать хочется.

Атуева. Плакать? Отчего? Разве он тебе не нравится?

Лидочка. Нет, тетенька, очень нравится. (*Кидается ей на шею и плачет*.)
Тетенька, милая тетенька! я его люблю!..

Атуева. Полно, мой друг, полно! (*Отирает ей платком глаза*.) Ну что же? Он человек прекрасный... знакомство большое... Ведь он всех знает?

Лидочка. Всех, тетенька, всех; со всеми знаком: он на бале всех знает... Я только боюсь папеньки: он его не любит. Он все говорит, чтоб я вышла за Нелькина.

Атуева. И, мой друг, это все вздор. Ведь отцу потому хочется за Нелькина, что он вот сосед, живет в деревне, имение рядом, что называется, борозда к борозде: вот почему ему хочется за Нелькина.

Лидочка. Папенька говорит, что он очень добрый.

Атуева. Да, как же! И, моя милая, в свете все так: кто глуп, тот и добр; у кого зубов нет, тот хвостом вертит... А если выйдешь за Кречинского – как он дом поставит, какой круг сделает!.. Ведь у него вкус удивительный...

Лидочка. Да, тетенька, удивительный!..

Атуева. Как он наш солитер⁵ обделал – это прелест! Вот лежала вещь у отца

в шкатулке; а ведь теперь кто увидит, все просто в восхищении... Я вот переговорю с отцом.

Лидочка. Он мне говорил, тетенька, что ему надо ехать из Москвы.

Атуева. Скоро?

Лидочка. На днях.

Атуева. Надолго?

Лидочка. Не знаю, тетенька.

Атуева. Так, стало, ему надо ответ дать?

Лидочка (*со вздохом*). Да, непременно надо.

Атуева. Ну, так я с отцом переговорю.

Лидочка. Тетенька! не лучше ли, чтобы он сам? Вы знаете, какой он ловкий, умный, милый... (*Задумывается*.)

Атуева (*обидясь*). Ну, делай, как хочешь. Ведь я тебе не мать.

Лидочка. Ах, тетенька, что вы это? Не оставляйте меня. Вы мне — мать, вы мне — сестра, вы мне — всё. Вы знаете, что я его люблю... (*целует ее*) как я его люблю... (*Останавливается*.) Ах, тетенька, какое это слово — люблю!

Атуева (*усмехаясь*). Ну, полно, полно.

Лидочка. Я даже не знаю, что со мною делается. У меня сердце бьется, бьется и вдруг так и замрет. Я не знаю, что это такое.

Атуева. Это ничего, мой друг, это пройдет... Вот, никак, отец идет. Мы сейчас и за дело.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Муромский.

Муромский. Ну что вы? Вот тащит меня ваш Михаил Васильич на бег. Ну что мне там делать? До рысаков я не охотник.

Атуева. Ну что ж? Вы хоть людей посмотрите.

Муромский. Каких людей? лошадей едем смотреть, а не людей.

Атуева. Что это, Петр Константиныч, ничего вы не знаете! Там теперь весь бомонд⁶.

Муромский. Да провались он, ваш бом... (*Здоровый удар звонка*.) Ай!.. Ах ты, черт возьми! что за попущение такое. Я этому Тишке все руки обломаю: терпенья нет. Матушка, я вам говорю (*указывая на колокольчик*), извольте эти звонки уничтожить.

Атуева. Нельзя, Петр Константиныч, воля ваша, нельзя: во всех домах так.

Муромский (*кричит*). Да что же вы, в самом деле? Ну не хочу, да и только!

Атуева. Ах, батюшка, что вы это кричите? Господи! (*Указывая на дверь, тихо*.) Чужих-то людей постыдились бы.

Муромский оглядывается.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Нелькин, входит, раскланивается
и жмет Муромскому руку.

Муромский. Где же вы это, Владимир Дмитрич, пропали? Я уж стосковался по вас.

Нелькин. Да, Петр Константиныч (*махает рукой*), загулял совсем: все вот балы... (*Оглядываясь на дверь*.) Ну, Анна Антоновна, какой вы резкий колоколь-